Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (26), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+28
ББК 83.3(2=411.2)+86.38-2
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-131-146
https://elibrary.ru/OBXJUN

© 2024. Валентина Борисова
Музейный центр «Московский дом Достоевского» Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, Москва, Россия,
МГЛУ, Москва, Россия,
БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

«Вечные книги» человечества в тезаурусе Ф.М. Достоевского

© 2024. Valentina V. Borisova
Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Dostoevsky's House-Museum),
Moscow, Russia,
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

The "Eternal Books" of Humanity in Dostoevsky's Thesaurus

Информация об авторе: Валентина Васильевна Борисова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Музейного центра «Московский дом Достоевского», Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Трубниковский пер., д. 17, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, с. 1, 119034 г. Москва, Россия; главный научный сотрудник, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской революции, д. 3/а, 450008 г. Уфа, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-9011-0160
E-mail: vvb1604@gmail.com

Аннотация: В статье раскрывается статус Библии и Корана как «вечных книг», или «книг человечества» в жизни и творчестве Достоевского; наряду с исключительной ролью Библии утверждается и значимость «небесной книги» мусульман в жизни и творчестве писателя. С типологической точки зрения эти книги объединяет контекст «вечности» и «всечеловечности», а также графические и лексические (синонимические и перифрастические) особенности их категориального функционирования как в произведениях Достоевского, так и в исследованиях, посвященных им. В этой связи подчеркивается аналогия между библейскими книгами и «великим пятикнижием» романиста, в част-

ности, сходство их метаструктур, а также эволюция героев произведений Достоевского по отношению к Книге. Наряду с этим приводятся дополнительные подтверждения его основательного знакомства с Кораном. Оно состоялось благодаря личным впечатлениям писателя от знакомства с мусульманами в омском остроге и в семипалатинской ссылке, чтению Корана в его разных переводах и изданиях, биографических книг о Магомете и в особенности посредничеству выдающегося казахского востоковеда Чокана Валиханова, который, находясь в русле русского ориентализма, интересовался историей мировых религий. Сложившееся в общении с ним понимание генетического родства «небесной книги» с Библией нашло отражение во многих произведениях Достоевского, в которых очевидна перекличка коранических образов и мотивов с Библией. Один из самых ярких примеров — «фантастический рассказ» «Сон смешного человека», являющий собой оригинальное «подражание Корану» Достоевского, не противоречащее духу Евангелия. Делается вывод о том, что вслед за Пушкиным Достоевский, исходя из понимания корневой связи Библии и Корана как равноценных «вечных книг» человечества, пришел к их сопряжению в художественном плане.

Ключевые слова: Достоевский, тезаурус, Библия, Коран, «вечные книги» человечества.

Для цитирования: *Борисова В.В.* «Вечные книги» человечества в тезаурусе Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 131–146. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-131-146

Information about the author: Valentina V. Borisova, DSc in Philology, Leading Researcher, "Fyodor Dostoevsky's Memorial Apartment," Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Trubnikovsky Lane, 17, 121069 Moscow, Russia; professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38/1, 119034 Moscow, Russia; Chief Researcher, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Oktiabrskaia revoliutsiia St., 3A, 450008 Ufa, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-9011-0160

E-mail: vvb1604@gmail.com

Abstract: The article explores the significance of the Bible and the Quran as "eternal books" or "books of humanity" in the life and works of Fyodor Dostoevsky. Along with the exceptional role of the Bible, the importance of the "heavenly book" of Muslims for the writer is also shown. From a typological point of view, these books combine the context of "eternity" and "all-humanity," as well as graphic and lexical (synonymous and periphrastic) features of their categorical functioning both in Dostoevsky's works and in the studies devoted to them. In this regard, the analogy between the biblical books and the "great Pentateuch" of the novelist is emphasized, in particular, the similarity of their meta-structures, as well as the evolution of the characters of Dostoevsky's works in relation to the Book. The article also provides additional evidence of Dostoevsky's thorough knowledge of the Quran. The acquaintance with it took place thanks to the writer's personal impressions of meeting Muslims in Omsk prison and during the Semipalatinsk exile, reading the Quran in its various translations and editions and biographical books about Mohammed, and especially through the mediation of the eminent Kazakh orientalist Chokan

Valikhanov, who, aligned with Russian orientalism, was interested in the history of world religions. Thanks to the interaction with him, Dostoevsky developed an understanding of the genetic relationship of the "heavenly book" with the Bible that was reflected in many of his works, in which the correlation of Quranic images and motifs with the Bible is obvious. One of the most striking examples is the "fantastic story" "The Dream of a Ridiculous Man," which is an original "imitation of the Quran" by Dostoevsky that does not contradict the spirit of the Gospel. It is concluded that, following Pushkin, Dostoevsky, based on an understanding of the root connection between the Bible and the Quran as equivalent "eternal books" of mankind, came to their conjugation in artistic terms.

Keywords: Dostoevsky, thesaurus, Bible, Quran, "eternal books" of humanity.

For citation: Borisova, V.V. "The 'Eternal Books' of Humanity in Dostoevsky's Thesaurus." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (26), 2024, pp. 131–146. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-131-146

«Вечные книги», или «книги человечества», по выражению Достоевского, это прежде всего Библия и Коран. В восприятии писателя их объединяет контекст «вечности» и «всечеловечности». В этом смысле эпитет «вечный» не просто метафоричен, а концептуален.

О значении Библии и Корана в творческой биографии Достоевского по отдельности сказано и написано много. Однако до сих пор они практически не рассматриваются во взаимном сопряжении. В современном достоевсковедении преимущественно и неоспоримо утверждается исключительная роль Библии в жизни и творчестве писателя, см., например: [Коган, 1996] и др. Аналогичным образом раскрывается кораническая (в широком смысле — восточная) тема в его произведениях в ряде исследований отечественных и зарубежных ученых, см. показательную работу с соответствующей библиографией: [Алексеев, 2017]. Вместе с тем еще в 1920–1930 годы Р.В. Плетнев [Плетнев, 1926], [Плетнев, 1938–1939], обозначив проблему разных религиозных отражений в произведениях Достоевского, подчеркнул, что «в них <...> кое-где идеи Корана и Евангелия скрестились и даже, пожалуй, тесно переплелись между собой» [Плетнев, 1994, с. 166].

Думается, этот «старый» тезис нуждается в новом акцентировании с учетом особенностей функционирования «вечных

книг» в творчестве писателя. Данные особенности, в частности, отражены в терминологическом словаре-тезаурусе «евангельского текста» Достоевского[1]. В нем систематизирован корпус концептов, показательных для метаязыка изучения произведений автора «великого пятикнижия». В соответствующих словарных статьях раскрываются узуальные и контекстуальные значения ключевых категорий в репрезентативных исследованиях его творчества. Они достаточно адекватно соотносятся с тезаурусом самого писателя, который описывается в Словаре языка Достоевского [Словарь языка, 2008–2021].

Первая категориальная особенность слова «книга» — графическая: в случае написания с заглавной буквы «Книга» (от др.-греч. βιβλία «книги», βιβλίον «книга») становится сакральной перифразой Библии. Показательны характеризующие ее оценочные определения: священная, божественная, святая, вечная, великая книга, а также другие, активно использующиеся номинативные варианты ее описания: библейская, синодальная, христианская, ветхозаветная, евангельская, славянская, кирилло-мефодиевская, православная, церковнославянская, русская, богословская, богослужебная, агиографическая, литургическая книга. Другие синонимы и перифразы Библии — это Священная книга, Священное Писание, Книга Книг, Откровение, Слово Божие.

Сам Достоевский охарактеризовал Библию как исключительную, необыкновенную книгу всемирного значения: «<…> другой такой книги в человечестве нет и не может быть» [Достоевский, 1972–1990, т. 30_1, с. 10], подчеркнув, что «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. *Это книга человечества… <…> Библия.* Эта книга непобедима. Эту книгу не потрясут даже дети священников наших, пишущие в наших либеральных журналах» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 123, 125].

Отметим риторические особенности этого замечательного высказывания: во-первых, в нем ритмически, благодаря троекратному повтору указательного местоимения в его морфологических модификациях, резко акцентируется именно всеобщее, универсальное значение Библии, принадлежащей всему человечеству как книги для всех и навсегда; во-вторых, говоря в этом смысле о непобедимости Библии, Достоевский использует перифразу («дети священников

[1] [Тезаурус Достоевского].

наших»), имеющую историко-идеологический подтекст с язвительным намеком на стремление русских нигилистов 1860–1870-х годов заменить христианский катехизис катехизисом революционера.

Во многом автобиографичны восхищенные слова старца Зосимы о Библии как Божьем слове: «Господи, что это за книга и какие уроки! Что за книга это Священное Писание, какое чудо и какая сила, данные с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо все и указано на веки веков. И сколько тайн разрешенных и откровенных <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 265].

Здесь также примечательны яркие перифразы «Божье слово», «книга» и сравнения Библии с «чудом» и «тайной». И поскольку говорится об «уроках» и «силе», данных с нею человеку, можно включить в этот оценочный ряд и слово «авторитет». В результате возникает классическая эмблема, наглядно раскрывающая значение Библии. В ней есть надпись/имя: Книга; есть картинка/наглядный образ: «изваяние мира и человека и характеров человеческих»; есть подпись: «И названо все и указано на веки веков».

Много раз отмечалось, что Библия занимает особое место в иерархии книг, входивших в круг чтения Достоевского как «гениального читателя» и нашедших отражение в его творчестве. Так, в повести «Хозяйка», например, упоминаются книги, «большой старинной формы, в переплетах, напоминавших священные» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 280]. В романе «Преступление и наказание» в качестве «базового священного текста», по выражению Т.А. Касаткиной [Касаткина, 2023], фигурирует Евангелие: «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 252]. В конечном счете Раскольников признается: «<...> знаю, что всё <...> будет именно так, как по книге <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 252], возможно, бессознательно имея в виду именно священную книгу.

О спасительности «святой книги» говорит отец Паисий в последнем романе Достоевского [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 155]. Аналогичным образом сам писатель передал благоговейное отношение верующих к Библии: «Вы входите в церковь, — служба благолепная, богатые ризы, кадила, торжественность, тишина, благоговение молящихся. Читается Библия, все подходят и лобызают

святую книгу со слезами, с любовью» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 97].

Такая Книга — самый важный и главный источник творчества Достоевского, что подчеркивается практически всеми исследователями жизни и творчества писателя. Обоснованно проводится аналогия между библейскими книгами и, например, книгами в романе «Братья Карамазовы», завершающем «великое пятикнижие» писателя, названное по аналогии с пятикнижием Моисея, см. об этом: [Свительский, 1997, с. 111–112]; [Смирнов, 2022, с. 28–44].

В этом плане сходство метаструктур библейских текстов и последнего произведения Достоевского убедительно выявила Е.А. Осокина: «Образ мира как вечно разворачивающейся Книги и вечно звучащего Слова в непрерывно совершаемом действе был закреплен христианским ритуалом и преподнесен как образец: смотрите, читайте, участвуйте» [Осокина, 2012, с. 197]. Родство произведений Достоевского с церковными книгами отмечает и Д.Л. Башкиров, соотнося эволюцию героев романов Достоевского с «движением от “книги” для чтения — к Книге литургической по своему назначению» [Башкиров, 2008, с. 406]. Аналогично Л.И. Сараскина, характеризуя персонажей-читателей в романе «Бесы» по отношению к Евангелию, пишет: «После многих бедствий в пространстве романа остается одна-единственная Книга <...>» [Сараскина, 2023, с. 173].

Вообще, чтение героями Евангелия (это наиболее эквивалентный вариант названия Библии у Достоевского) — одна из ключевых констант его поэтики. По отношению к богослужебной Книге раскрывается сущность многих персонажей. Соня Мармеладова читает Раскольникову страницы о воскресении Лазаря. Книгоноша читает Нагорную проповедь Степану Трофимовичу, пытающемуся перед смертью приблизиться «к смыслам Откровения». Как пишет Л.И. Сараскина, «истинный финал самого литературного и самого горестного романа Достоевского связан с образами трех женщин — книгоноши Софьи Матвеевны, Варвары Петровны, Даши Шатовой, готовых вместе распространять спасительную книгу» [Сараскина, 2023, с. 173].

По авторитетному мнению В.Н. Захарова, Евангелие «дает для понимания Достоевского больше, чем любые исследования о нем» [Захаров, 2013, с. 8]. Это действительно самый верный код и ключ

к пониманию смысла всех произведений писателя. Общеизвестна значимость Евангелия и в его жизни: «<...> четыре года Достоевский был в полной духовной изоляции и один на один с Книгой, которую он знал “чуть ли не с первого детства”» [Дудкин, 1998, с. 339]. Имеется в виду Евангелие, подаренное писателю женами декабристов в Тобольске. Это был экземпляр Нового Завета в полном русском переводе, изданном в Санкт-Петербурге в 1823 году Российским библейским обществом, см.: [Евангелие Достоевского, 2017].

Другая «вечная книга», вошедшая в круг чтения Достоевского, это Коран (от араб. (ٱلْقُرْآن (al-qurʾān, аль-Ḳурʼа̄н), «читаемое Откровение»; возможно, под влиянием сирийского qeryana — «чтение священного текста», «назидание»), священная книга мусульман всего мира, написанная на арабском языке и содержащая изложение важнейших догм Ислама. Согласно исламскому вероучению, Коран был передан самим Аллахом Мухаммеду в форме пророческих откровений в Мекке и Медине между 610 и 631 годами и почитается как «небесная книга».

Гиперонимом Корана также является лексема Книга. Показательны ее синонимы и перифразы: устар. Алкоран, Алькоран; Священный, Благородный, Досточтимый Коран; Книга жизни; Священное Писание, Слово Божье, Божье Откровение, Откровение Всевышнего, прямо перекликающиеся с аналогичными вариантами названия Библии.

Священная книга мусульман была хорошо известна Достоевскому. Вслед за Пушкиным, он прочитал ее во французском переводе еще до каторги. Как отмечают составители «Библиотеки Ф.М. Достоевского» [Библиотека Достоевского, 2005, с. 8], это был экземпляр издания Корана в переводе А.-Б. Казимирского [Le Koran, 1840].

В 1854 году, сразу по выходе из острога, Достоевский дважды просил старшего брата прислать ему Коран в Семипалатинск [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 173, 179]. В 1859 году по просьбе Достоевского Коран на французском языке был отправлен А.П. Милюковым в Тверь [Достоевский в воспоминаниях современников, 1990, с. 274]. Возможно в круг чтения Достоевского входила популярная во второй половине XIX века книга В. Ирвинга «Жизнь пророка Мухаммеда» в переводе П.В. Киреевского, в первый раз изданная в 1857 году. Со второй половины XIX века в России был в обращении русский перевод «Корана Магомеда», осуществленный

К. Николаевым с французского перевода Казимирского и выходивший в 1864, 1865, 1876, 1880 годы. Первое объявление о продаже этой книги появилось в «Санкт-Петербургских ведомостях» 31 января 1864 года рядом с извещением о публикации журнала «Эпоха».

Можно предположить, что мимо внимания Достоевского не прошел перевод «Корана, законодательной книги мохаммеданского вероучения», впервые сделанный Г.С. Саблуковым непосредственно с арабского языка в 1878 году. Через год вышло его «Приложение к переводу Корана» (комментарий к текстам). Популярным был и научный труд казанского востоковеда «Сличение магометанского учения о именах Божиих с учением о них христианским» (1873), в котором раскрыты основы исламского вероучения, изложенного в Коране, в сравнении с книгами Откровения Божьего — Законом, Писаниями пророков, Евангелием.

Необходимо отметить эволюцию взглядов Достоевского на Коран. Если до каторги писатель разделял европейское просветительское отношение к нему, зафиксированное в примечаниях к «Подражаниям Корану» А.С. Пушкина: «Коран есть собрание новой лжи и старых басен» [Пушкин, 1977, с. 193], то на каторге и после каторги у Достоевского произошла значительная коррекция этих стереотипных представлений, чему способствовали личные впечатления от знакомства с мусульманами в омском остроге и в семипалатинской ссылке наряду с чтением Корана и биографических книг о Магомете, см. об этом: [Борисова, 1997, с. 93].

О серьезном постижении содержания Корана русским писателем свидетельствуют, например, соответствующие отсылки в «Дневнике Писателя». Так, в полемике с оппонентами писатель иронически назвал их «книжными людьми», сравнив с «ослами, навьюченными книгами» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 117, 277, 429]. Данное выражение представляет собой авторскую перифразу изречения из Корана: «Те, кому было дано нести Тору, а они ее не понесли, подобны ослу, который несет книги» [Коран, 1986, 62: 5]. Ранее Достоевский употребил его в «Селе Степанчикове» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 90]. В записной книжке 1863–1864 годов имеется аналогичная аллюзия: «Навьюченный книгами г-н Дудышкин» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 170].

Глубокое осмысление Корана Достоевским стало возможным и при посредничестве выдающегося казахского востоковеда Чокана Валиханова. Его мусульманское имя — Мухаммед-Ханафия. Так

звали мусульманского религиозного деятеля VI–VII веков, родителям которого пророк разрешил дать свое имя. В детстве Валиханов обучался в медресе, был обучен пятикратному творению намаза, знал Коран наизусть как прямой потомок чингизидов (его прадедом был знаменитый хан Средней орды Аблай). Религиозное образование в султанских семьях было традиционным и предполагало освоение арабского языка, основ философии, математики, поэзии и всего того, что включало в себя мусульманское знание. Соответственно Валиханов владел семью восточными языками, включая арабский. Светское образование на русском языке он получил позже, в Омском кадетском корпусе. Считая себя мусульманином («Он говорил, что не может жениться на русской девушке, потому что хочет служить своему киргизскому народу, а для этого должен остаться мусульманином» [Потанин 2005, с. 309]), Валиханов, находясь в русле русского ориентализма, проявлял очевидный интерес к истории мировых религий, см. его: [Валиханов, 1985].

В петербургский период своей деятельности (с середины февраля 1860 года до конца мая 1861 года) он активно общался с известными учеными-ориенталистами, изучал восточные рукописи в фондах библиотеки Академии наук, хранителем которых был П.И. Лерх, блестящий знаток словесности и истории мусульманского Востока. «В его лице Валиханов нашел не только ученого-коллегу, но и надежного друга, которому бесконечно доверял», см. об этом: [Мусина, Тихомиров, 2009, с. 14].

Думается, встречи Валиханова в этот период с петербургскими востоковедами наложили отпечаток на общение с Достоевским, который еще в конце 1856 года определил для своего молодого друга программу его будущей деятельности, по максимуму осуществленную Валихановым в последующие годы: «<…> не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине *просвященным* ходатайством за нее у русских» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 249]. Это своеобразное «благословение» не случайно отмечено приметами высокого, пророческого стиля («великая цель», «святое дело», «растолковать» первым своему народу его «значение» и т.д.)

Можно полагать, не без влияния Ч. Валиханова Достоевский пришел к пониманию генетического родства «небесной книги»

с Библией, что нашло отражение в разговорах героя-рассказчика в «Записках из Мертвого дома» с мусульманином Алеем. Прочитав Нагорную проповедь, юный дагестанский татарин с восхищением высказывается: «Иса святой пророк, Иса божий слова говорил <...> прощай, люби, не обижай и врагов люби. Ах, как хорошо он говорит!» [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 54]. Старшие братья Алея «с важно-благосклонною, то есть чисто мусульманскою улыбкою» также «подтвердили, что Иса был божий пророк и что он делал великие чудеса <...>, и что это и у них в книгах написано» [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 54] (выделено нами. — *В.Б.*). Примечательно, что мусульмане восхваляют Ису с желанием доставить «великое удовольствие» рассказчику, научившему Алея читать по русскому переводу Нового Завета. Так, на каторге писатель лично убедился, что ислам открыт обаянию Христа, а Мухаммед, согласно Корану, его последователь и пророк.

Подчеркнем в результате типологические признаки «вечных книг» в восприятии Достоевского: это прежде всего их общий священный статус и общая пророческая миссия, в качестве адресата подразумевающая «все человечество», весь мир. В этом плане закономерна идейная и нравственная перекличка библейских образов и мотивов с Кораном в целом ряде произведений Достоевского. Вслед за Пушкиным, написавшим стихотворение «Пророк» и цикл «Подражания Корану» на синтетической библейско-коранической основе, Достоевский соединил христианские мотивы самопожертвования, распятия и проповеди с фабулой мусульманской легенды о ночном путешествии Мухаммеда. Эта красивая легенда о пророке, впервые «оседлавшем время», надолго захватила творческое воображение писателя после каторги и отозвалась в романах «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», но с особенной яркостью — в «Сне смешного человека», о чем нам приходилось уже писать [Борисова, 1991], [Борисова, 2019, с. 70–89].

Хотя в «фантастическом рассказе» нет прямых упоминаний ни о Христе, ни о Мухаммеде, перерождение героя совершается в русле религиозно-мифологической традиции изображения пророка в Библии и Коране. Соответствующие реминисценции в произведении писателя отчетливо прослеживаются: это прежде всего онирическое ночное путешествие героя и прием иллюзионного удвоения реальности, доказывающий относительность времени.

«Ночь вознесения пророка» («мирадж») — сюжетное ядро произведения Достоевского. В жизнеописании мусульманского пророка отмечается, что это событие произошло в ночь на 27-е число месяца Раджаб 621 года (заметим, что точная дата указывается и в «Сне смешного человека» — 3 ноября 1876 года). К Мухаммеду явился архангел Джабраил (Гавриил) и посадил его на чудесную кобылицу Аль-Бурак, на которой он из Иерусалима вознесся на небеса, увидев семь жилищ Аллаха и всех предшествующих пророков: от Адама и Авраама до Иисуса, встречавших Мухаммеда словами: «Приветствуем праведного брата», тем самым подчеркивая родственную связь между собой, эстафету непрерывного пророчества от имени Бога: «Уверовал Пророк [Мухаммад] в [истинность и правдивость того], что было ниспослано ему от Господа [а это и Священное Писание, и пророческие откровения, и сама посланническая миссия], и верующие [также уверовали]. Все [кто способен был уверовать] уверовали в Бога [Единственного Творца, Господа миров], в Его ангелов, Его Писания [Тору, Евангелие, Коран и все то, что было ниспослано от Всевышнего на протяжении человеческой истории] и посланников Божьих» [Коран, 2022, 2: 285].

Своим рассказом Достоевский подхватил этот длящийся ритм пророческого движения, каждое звено которого получает свой окончательный смысл лишь в связи с предыдущими. Целенаправленная художественная ориентация писателя на яркий коранический сюжет подтверждается не только структурными совпадениями «фантастического рассказа» с преданием о Мухаммаде, но и аналогичной напряженной динамикой судьбы героя. «Секунда» космического бытия, пережитая «смешным человеком» в каморке-ячейке мироздания, перекликается с мгновением, за которое не успела пролиться вода из кувшина Магомета, опрокинутого Аль-Борак, но совершилось путешествие Мухаммеда на небеса. На эту легенду ссылается и князь Мышкин: «<...> это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 189].

Типологически совпадают и коренные жизненные ситуации, в основе которых лежит метафора смерти-возрождения: «смешной человек» в могиле, Магомет в пещере вступают в общение с Богом. Затем совершается их полет через пространство и время на небеса.

В обоих случаях ночной полет пророков связан с деформацией времени, с душевным потрясением и восторгом перед ярко засиявшим светом рая и открытием Истины, которая обретается героем Достоевского во сне, поэтому не признается в реальном мире, вызывая насмешки: «Сон, дескать, видел, бред, галлюцинацию» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 118]. Такие же насмешки и гонения претерпел и Мухаммед в Мекке.

Важнейшим подтверждением обретенной Истины в произведении Достоевского становится отношение к «твари дрожащей». Этому символическому выражению в «фантастическом рассказе» возвращается истинный смысл обращения Аллаха к пророку, гениальным образом переданный Пушкиным:

Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

В «Сне смешного человека» «дрожащая тварь» — это маленькая девочка, которая «вся дрожала мелкой дрожью в ознобе» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 106]. В финале «фантастического рассказа» сюжетно воплощается заповедь Корана («И вот сироту ты не притесняй, а просящую не отгоняй, а о милости твоего Господа возвещай» [Коран, 1986, 93: 6–11]), созвучная заветам Нагорной проповеди: «А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 119].

Так «фантастический рассказ» Достоевского стал оригинальным «подражанием Корану», не противоречащим духу Евангелия. В этом смысле он продолжил пушкинскую традицию восприятия Корана сквозь призму главной для себя Книги — Библии. Восхищаясь способностью поэта «вместить чужие гении в душе своей, как родные», писатель сказал: «Вот <...> религиозные <...> строфы из Корана или “Подражания Корану”: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила её?» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 146].

Думается, эту «всемирность» русского стремления, способность проникнуть в дух близкой авраамической религии Достоевский подчеркнул, исходя из понимания генетической связи Библии и Корана как великих «вечных книг» человечества, и в итоге сам пришел к их сопряжению в художественном плане.

Список литературы

1. Алексеев, 2017 — *Алексеев П.В.* Ф.М. Достоевский и Восток. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. 152 с.

2. Башкиров, 2008 — *Башкиров Д.Л.* Евангельский текст в произведениях Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 398–413.

3. Библиотека, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

4. Борисова, 1991 — *Борисова В.В.* Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф.М. Достоевского (Библия и Коран) // Творчество Ф.М. Достоевского: искусство синтеза / под ред. Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 63–89.

5. Борисова, 1997 — *Борисова В.В.* Коран // Достоевский. Эстетика и поэтика. Словарь-справочник / под ред. Г.К. Щенникова. Челябинск: Металл, 1997. С. 93.

6. Борисова, 2019 — *Борисова В.В.* Ислам и русская классическая литература. Уфа: Печатный домъ, 2019. 136 с.

7. Валиханов, 1985 — *Валиханов Ч.Ч.* О мусульманстве в Степи // *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата: Глав. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1985. Т. 4. С. 71–76.

8. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

9. Достоевский, 1990 — Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 623 с.

10. Дудкин, 1998 — *Дудкин В.В.* Достоевский и Евангелие от Иоанна // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 338–348.

11. Захаров, 2013 — *Захаров В.Н.* Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.

12. Евангелие, 2017 — Евангелие Ф.М. Достоевского: в 3 т. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017.

13. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Откровение Иоанна Богослова» в романе Достоевского «Идиот»: Жена-город // Новый мир. 2023. № 9. С. 179–190. URL: http://new.nm1925.ru/articles/2023/09-2023/otkrovenie-ioanna-bogoslova-v-romane-dostoevskogo-idiot-zhena-gorod/ (дата обращения: 12.03. 2024).

14. Коган, 1996 — *Коган Г.Ф.* Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский в конце XX в. М.: Классика плюс, 1996. С. 147–168.

15. Коран, 1986 — Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского; 2-е изд. М.: Наука, 1986. 727 с.

16. Коран, 2022 — Священный Коран. Смыслы / богословский пер. Шамиля Аляутдинова; 3-е изд. М.: Диля, 2022. 1792 с.

17. Мусина, Тихомиров, 2009 — *Мусина М.Ш., Тихомиров Б.Н.* Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге. СПб.: Серебряный век. 2009. 67 с.

18. Осокина, 2012 — *Осокина Е.А.* Гимнографический «канон» в «форме плана» «Братьев Карамазовых» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 196–202.

19. Плетнев, 1926 — *Плетнев Р.В.* Достоевский и Коран // Волна. 1926. № 5.

20. Плетнев, 1938–1939 — *Плетнев Р.В*. Достоевский и Библия (Ветхий Завет) // Путь. 1938–1939. № 58. С. 49–56.

21. Плетнев, 1994 — *Плетнев Р.В*. Достоевский и Евангелие // Русские эмигранты о Достоевском. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 160–190.

22. Потанин, 2005 — *Потанин Н.Г.* Избранные соч.: в 3 т. Павлодар: ЭКО, 2005. Т. 2. 549 с.

23. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

24. Сараскина, 2023 — *Сараскина Л.И.* Герои-читатели в романе «Бесы». Грустное торжество «Апокалипсиса» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 172–201. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-172-201

25. Свительский, 1997 — *Свительский В.А*. Великое пятикнижие // Достоевский. Эстетика и поэтика. Словарь-справочник / под ред. Г.К. Щенникова. Челябинск: Металл, 1997. С.111–112.

26. Словарь, 2008– — Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий. М.: Азбуковник. 2008– (издание продолжается).

27. Смирнов, 2022 — *Смирнов И.П.* Романы Ф.М. Достоевского и пятикнижие Моисея: «Преступление и наказание» // Русская литература. 2022. № 2. С. 28–44.

28. Тезаурус Достоевского — Тезаурус Достоевского. URL: https://thesaurus-dostoevsky.github.io/ (дата обращения: 12.03. 2024).

29. Le Koran, 1840 — Le Koran / traduction nouvelle, faite sur le texte arabe, par M. Kasimirski, Interprète de la legation française en Perse; revue et précédeé d'une introduction par G. Pauthier. Paris: Charpentier, 1840. XIV, 576 p.

References

1. Alekseev, P.V. *F.M. Dostoevskii i Vostok* [*Fyodor Dostoevsky and the East*]. Gorno-Altaisk, BITS GAGU Publ., 2017. 152 p. (In Russ.)

2. Bashkirov, D.L. “Evangel’skii tekst v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo” [“The Gospel in Dostoevsky’s Works”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 8, 2008, pp. 398–413. (In Russ.)

3. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Fyodor Dostoevsky’s Library: An Attempt of Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

4. Borisova, V.V. “Sintetizm religiozno-mifologicheskogo podteksta v tvorchestve F.M. Dostoevskogo (Bibliia i Koran)” [“Synthesis of Religious and Mythological Subtext in Fyodor Dostoevsky’s Works (The Bible and the Quran)”]. Shchennikov, G.K., and R.G. Nazirov, eds. *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo: iskusstvo sinteza* [*Dostoevsky’s Works: The Art of Synthesis*]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1991, pp. 63–89. (In Russ.)

5. Borisova, V.V. “Koran” [“The Quran”]. Shchennikov, G.K., editor. *Dostoevsky: Estetika i poetika: Slovar’-spravochnik* [*Dostoevsky: Aestethic and Poetics: Handbook Dictonary*]. Cheliabinsk, Metall Publ., 1997, p. 93. (In Russ.)

6. Borisova, V.V. *Islam i Russkaia klassicheskaia literatura* [*Islam and Russian Classics*]. Ufa, Pechatnyi DOM Publ., 2019. 136 p. (In Russ.)

7. Valikhanov, Ch.Ch. "O Musul'manstve v stepi " ["About Islam in the Steppes"]. Valikhanov, Ch.Ch. *Sobranie sochinenii: v 5 tomakh* [*Works: in 5 vols*], vol. 4. Alma-Ata, Glav. red. Kazakhskoi sov. entsiklopedii Publ., 1985, pp. 71–76. (In Russ.)

8. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972−1990. (In Russ.)

9. *F.M. Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov* [*Fedor Dostoevsky in the Memories of His Contemporaries*], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 623 p. (In Russ.)

10. Dudkin, V.V. "Dostoevskii i Evangelie ot Ioanna" ["Dostoevsky and the Gospel of John"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 5, 1998, pp. 338–348. (In Russ.)

11. Zakharov, V.N. *Imia avtora — Dostoevskii. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on His Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)

12. *Evangelie F.M. Dostoevskogo: v trekh tomakh* [*Fyodor Dostoevsky's Gospel: in 3 vols*]. Tobol'sk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017. (In Russ.)

13. Kasatkina, T.A. "'Otkrovenie Ioanna Bogoslova' v romane Dostoevskogo 'Idiot': Zhena-gorod" ["St. John's *Book of Revelation* in Dostoevsky's Novel *The Idiot*: The Woman-City"]. *Novyi mir*, no. 9, 2023, pp. 179–190. Available at: http://new.nm1925.ru/articles/2023/09-2023/otkrovenie-ioanna-bogoslova-v-romane-dostoevskogo-idiot-zhena-gorod/ (Accessed 12 Mar. 2024) (In Russ.)

14. Kogan, G.F. "Vechnoe i Tekushchee (Evangelie Dostoevskogo i ego znachenie v zhizni i tvorchestve pisatelia)" ["Eternal and Current (The Gospel of Dostoevsky and its Significance in the Writer's Life and Work)"]. *Dostoevskii v kontse XX veka* [*Dostoevsky at the End of the 20th Century*]. Moscow, Klassika plius Publ., 1996, pp. 147–168. (In Russ.)

15. *Koran* [*The Quran*]. Trans. and comm. by I.Iu. Krachkovsky. 2nd Edition. Moscow, Nauka Publ., 1986. 727 p. (In Russ.)

16. *Sviashchennyi Koran. Smysly* [*The Holy Quran. Meanings*]. Theological translation by Shamil' Aliautdinov. 3rd Edition. Moscow, Dilia Publ., 2022. 1792 p. (In Russ.)

17. Musina, M.Sh., and B.N. Tikhomirov. *Chokan Valikhanov v S.–Peterburge* [*Chokan Valikhanov in Saint Petersburg*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2009. 67 p. (In Russ.)

18. Osokina, E.A. "Gimnograficheskii 'Kanon' v 'forme plana' 'Brat'ev Karamazovykh' Dostoevskogo" ["The Hymnographic 'Canon' in the 'Plan' of Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 10, 2012, pp. 196–202. (In Russ.)

19. Pletnev, R.V. "Dostoevskii i Koran" ["Dostoevsky and the Quran"]. *Volna*, no. 5, 1926. (In Russ.)

20. Pletnev, R.V. "Dostoevskii i Bibliia (Vetkhii Zavet)" ["Dostoevsky and the Bible (The Old Testament)"]. *Put'*, no. 58, 1938–1939, pp. 49–56. (In Russ.)

21. Pletnev, R.V. "Dostoevskii i Evangelie" ["Dostoevsky and the Gospel"]. *Russkie emigranty o Dostoevskom* [*Russian Emigrants about Dostoevsky*]. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1994, pp. 160–190. (In Russ.)

22. Potanin, N.G. *Izbrannye sochineniia: v trekh tomakh* [*Selected Works: in 3 vols*], vol. 2. Pavlodar, EKO Publ., 2005. 549 p. (In Russ.)

23. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Complete Works: in 10 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)

24. Saraskina, L.I. "Geroi-chitateli v romane 'Besy'. Grustnoe torzhestvo 'Apokalipsisa'" ["Characters-Readers in Dostoevsky's Novel *The Possessed*. The Sad Triumph of the Apocalypse"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 172–201. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-172-201

25. Svitel'skii, V.A. "Velikoe Piatiaknizhie" ["The Great Pentateuch"]. Shchennikov, G.K., editor. *Dostoevsky: Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Aestethic and Poetics: Handbook Dictonary*]. Cheliabinsk, Metall Publ., 1997, pp. 111–112. (In Russ.)

26. *Slovar' iazyka Dostoevskogo: Idioglossarii* [*Dostoevsky's Dictionary: Idioglossary*]. Moscow, "Azbukovnik" Publ., 2008–continuing publication. (In Russ.)

27. Smirnov, I.P. "Romany F. M. Dostoevskogo i Piatiknizhie Moiseia: 'Prestuplenie i nakazanie'" ["Dostoevsky's Novels and the Pentateuch of Moses: *Crime and Punishment*"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2022, pp. 28–44. (In Russ.)

28. *Tezaurus Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Thesaurus*]. Available at: https://thesaurus-dostoevsky.github.io/ (Accessed 12 March 2024) (In Russ.)

29. *Le Koran*. Traduction nouvelle, faite sur le texte arabe, par M. Kasimirski, Interprète de la legation française en Perse; revue et précédeé d'une introduction par G. Pauthier. Paris, Charpentier, 1840. XIV, 576 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 30.03.2024
Одобрена после рецензирования: 26.04.2024
Принята к публикации: 24.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 30 Mar. 2024
Approved after reviewing: 26 Apr. 2024
Accepted for publication: 26 May 2024
Date of publication: 25 June 2024